

УДК 167/168=>001.378.1:061.6
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-102-111

А. М. Аблажей

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ablazhey@academ.org

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧЕНОГО В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ (АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКОГО ОПЫТА)

Обосновывается тезис о значительном усложнении традиционного образа ученого в условиях современных трансформаций социального института науки, в том числе процесса профессиональной самоидентификации. В качестве эмпирической основы для проведения анализа использованы результаты социологического опроса аспирантов академических институтов, а также Новосибирского государственного университета. На их основе сделан вывод о том, что в зависимости от выбора критериев успешной карьеры будущие ученые могут быть отнесены к нескольким типам: «традиционный ученый», «ученый новой формации», «бизнесмен от науки».

Ключевые слова: советская наука, постсоветская наука, ученый, профессиональная идентичность.

Вместо предисловия. Выступая в середине сентября 2014 г. в Санкт-Петербурге на конференции держателей мегагрантов, тогдашний министр образования и науки Российской Федерации Д. Ливанов поддержал инициативу Министерства труда (и, отметим в скобках, Федерального агентства научных организаций – ФАНО) об отмене специальной доплаты за степени научным работникам, подчеркнув, что оплата труда не должна быть главным критерием при выборе науки в качестве профессии. Согласно мнению министра, «что касается карьерных мотивов, то для молодого человека, который приходит в науку и который выбирает научную деятельность в каче-

стве своей будущей работы, вопрос об оплате труда важен, но не является основным и ключевым. Самое важное – это интерес, самое важное себя реализовать. Я знаю это просто по себе»¹. Чего в этом утверждении больше – лукавства или искренней убежденности в том, что сказано? Возможно ли вообще в нынешних условиях представить себя ситуацией, когда молодой человек, выбирая себе будущую профессию или место работы, *практически не принимает* во внимание ее материальные составляющие? Наконец, справедливо ли утверждение, что для настоящего ученого и в современных (условно обозначим их как *меркантильные*) условиях в основе его профессиональной идентичности лежит единственно чувство принадлежности к ученой профессии и полное игнорирование соображений социального престижа, материального благополучия и пр.?

В качестве методологического базиса приведем мнение Е. З. Мирской, согласно которому «для успехов в науке человеку необходимо чувствовать себя ученым, обладать самосознанием ученого, т. е. в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной модели и в свое время был воспринят им как эталон. В этом плане можно сказать, что традиционная ориентация играет роль своеобразного “охранного механизма”: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого... производя с помощью действующих ученых новые знания, наука... производит и новых ученых. Традиционная модель – это образец, на который ориентируется ученый. Трансляция традиционной модели ученого и его деятельности в процессе социального образования является одним из способов (возможно – основным) приобщения новых поколений, вступающих в науку, к традициям и кодексу научного сообщества» [1995. С. 27]. Добавим – и обретения новыми членами сообщества уникальной профессиональной идентичности, которая, наряду с традиционным этосом, предполагает наличие основных элементов ученой профессии.

Согласно мнению Э. Мирского, «ученый – это человек, получивший специальное образование и профессионально занимающийся научной или научно-педагогической деятельностью и имеющий благодаря этому постоянный легальный источник дохода и соответствующий социальный статус. В последнее время, по мере формирования научно-инновационного комплекса, в официальных международ-

¹ Ливанов напомнил о бескорыстном характере научной деятельности. URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/17/livanov2/> (дата обращения 25.12.2017).

ных документах (ЮНЕСКО, Европейский союз) термин “Ученый” все больше вытесняется термином “исследователь”. “Исследователь” определяется как “профессионал, занятый постижением или созданием нового знания, продуктов, процессов, методов и систем, а также в управлении такого рода проектами”². Исходя из такого представления о фигуре ученого, можно предположить усложнение описанной выше традиционной модели, возникновение, наряду с классическим образом *ученого*, параллельного образа *исследователя*, для которого отождествление себя именно с ученым, т. е. профессионалом, занятым прежде всего получением нового знания, первично. Между тем для исследователя – как управленца, менеджера, эта задача отнюдь не всегда является главной.

В 1999 г., начиная на страницах журнала «Pro et Contra» очень плодотворную дискуссию о трансформации методологических и методических основ отечественной социальной мысли под влиянием западных концепций, А. Д. Богатуров так описал фигуру современного гуманитария: по его мнению, «полоса тягот изменила нас социально и профессионально. Из части прежней академической и вузовской интеллигенции вырос диковинный тип “комплексного” профессионала: на треть – научного сотрудника, еще на треть – преподавателя в университете или колледже, а на остальное (в зависимости от склада ума и ситуации) – аналитика-практика, политического журналиста, мастера по PR-кампаниям или эксперта-консультанта при депутате, вице-губернаторе или благотворительном фонде. Жить стало разнообразнее и тяжелее» [1999. С. 195]. Таким образом, в ходе постсоветской трансформации *классического* образа ученого на смену устоявшимся формам идентификации представителя ученой профессии пришло понимание того, что стандартный портрет много сложнее, чем двадцать или даже десять лет назад.

В 1999 г. в пилотном выпуске нового журнала «Науковедение» была опубликована статья Ю. Плюснина ««Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования», в которой автор на материалах массового экспертного опроса научных сотрудников институтов Новосибирского научного центра описал феномен «лишних» людей в науке. Линией разделения стали ближайшие планы респондентов и ответы на вопрос «Почему сохраняете верность науке?»: а) надежда на лучшее, «нравится профессия ученого» («**свои**») или б) невозможность найти лучшее место, скорый выход на пенсию

² Мирский Э. М. Ученый. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/847/ученый (дата обращения 25.12.2017).

и пр. («лишние»). Согласно результатам Ю. Плюснина, представители «лишних» людей в науке имеют несколько родовых черт: консервативность, ориентация на привычные и однозначно определенные структурные (формальные) связи; трудная и долгая адаптация к новым условиям, наличие стабильных *внешних* условий как важнейшее условие *внутренней* стабильности; наука для такого ученого – прежде всего работа, но отнюдь не романтическое увлечение; им свойственно ожидание и требование стабильности и неизменности, защищенности и патронажа, ученые этой группы беспокоятся о стабильности своего института и всего Отделения, склонны доверять руководству и поддерживать его, предпочитая искать виноватого скорее на стороне, чем в своей собственной среде [1999. С. 17–19].

Молодой иркутский (впоследствии – Санкт-Петербургский) исследователь Кирилл Титаев в 2005 г. написал статью (она до сих пор не опубликована), посвященную специфике «провинциальной науки» и характерной для нее фигуре псевдоученого. Главные его черты – имитация научной деятельности, методологическая и методическая автаркия, незнание и, более того, нежелание знать, что происходит в «центральной» науке. Искаженное представление о том, что такое наука и кто имеет право называть себя ученым (себя он считает ученым без всякого в том сомнения). В том же ряду стоит описанный В. Радаевым феномен «местечковой науки» и соответствующего типа «ученого», не желающего знать, что происходит за пределами его тесного и уютного «академического» мирка [2000].

Проведенные нами в 2000-х гг. исследования ситуации в региональных научно-образовательных центрах Сибири (Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) позволили прийти к выводу об устойчивой кризисной динамике профессиональной идентичности членов научных сообществ в провинции. В частности, полученные результаты говорили о наличии представлений самих ученых об отрицательной динамике отношения в обществе к науке и ученым, преподавателям вуза, к образованным людям вообще. Один из участников исследования выразил эту мысль очень четко: *«Раньше мы были белая кость, уважаемые люди, особенно для восточного общества. Они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги»*. Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил, тем не менее, уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне сознания сельского жителя, продолжающего оставаться, во многом, носителем традиционного сознания: *«Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним здесь (в Туве)*

относились с большим пиететом, и в общем-то это до сих пор сохранилось, по крайней мере за пределами Кызыла, там кандидат наук, ученый, преподаватель университета – это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция».

Весьма характерны также оценки научной карьеры в качестве канала социальной мобильности: «...это один из способов продвижения по карьере, как-то выдвинуться... в целом в жизни это помогает: и для престижа, и в карьере, ну и во всем; для личного удовлетворения в статусе; если нет больше возможностей как-то подняться, продвинуться – [тогда идут] через науку. Была бы возможность сделать карьеру в других сферах... они бы там нашли свое применение и успешно работали... люди идут-то из низов в науку, из небогатых семей... приезжают из деревень, заканчивают университет, и им остается-то опять в деревню ехать. Вот они и ищут нишу, если есть какие-то способности и возможности, они в науку идут. У нас все научные сотрудники в основном из деревни». При этом многие «считают, что напишут кандидатскую как диплом и будут большим человеком, со всеми вытекающими последствиями... что это возможность получения каких-то льгот, хотя ничего такого уже давно нет».

Обращает на себя внимание своеобразная обида на власть в силу невнимания к нуждам людей науки и непонимание возможностей науки с ее стороны на уровне региона. «В сравнении с советским периодом – статус науки был выше, за счет партии [КПСС]. Мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады (!)... я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации тоже не очень активно интересуются нашим мнением... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно».

Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации. По мнению одного из опрошенных нами ученых, связано это с тем, что «...просто по пальцам можно перечесть тех, кто понимает, что такое наука, т. е. они сами прошли вот это все, не получили готовое». Очевидно, что люди в регионах, рассматривая науку только как удобную ступеньку в карьере, зачастую не ставят перед собой задачу усвоения традиционных для научного сообщества профессиональных ценностей: «...если говорить о настоящей науке, то по сути это бессеребренность и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот

человек ученый». Возможно, здесь есть весомый элемент самооправдания – я настоящий ученый и потому бедный. Такой «синдром Перельмана».

Кризис идентичности характерен не только для старшего поколения ученых. Как показали исследования И. Дежиной [2003], Е. Гвоздевой и Е. Высоцкого [2004], он ярко проявляется в момент одного из пиков профессионального становления, а именно – защиты кандидатской диссертации; убедительно доказывается, что молодого ученого сложнее *удержать* в науке, чем *привлечь* в нее. Причиной является резкий диссонанс профессионального (кандидат наук) и социального (небольшая зарплата, слабый административный уровень) статусов в возрасте около 30 лет. Для российской науки типичной стала фигура молодого кандидата наук, занимающего временную ставку, не имеющего собственного жилья и особых перспектив на его приобретение. (В скобках отметим, что схожие проблемы испытывают и зарубежные ученые, для которых позиция постдока – аналог только что защитившего диссертацию молодого российского ученого – также является наиболее проблемной как с точки зрения выбора места работы, так и дальнейшей профессиональной траектории; зарубежные постдоки так же, как их российские коллеги, подвержены наиболее сильной эмоциональной и психологической нагрузке.)

Отметим многообразие ролей в современной науке и динамику изменения критериев успеха – на примере аспирантов академических институтов (исследование проводилось в Новосибирском научном центре, включая НГУ, в 2005–2006 г.). Наши исследования показали, что учащиеся академической аспирантуры делятся на три ведущих типа.

1. Аспиранты, выбравшие традиционную научную карьеру в академическом институте (тип – *традиционный ученый*), 40 % всех респондентов. Для этого типа характерно соединение как привычных критериев профессионального успеха в науке, так и относительно новых. Чаще всего упоминаются факт защиты кандидатской и докторской диссертаций; авторитет среди российских и зарубежных коллег; высокий размер доходов за счет занятий наукой. Продолжают сохранять значение и такие важнейшие показатели, как свобода научного творчества, возможность заниматься теми проблемами, которые интересны прежде всего самому себе, невзирая на конъюнктуру, финансовые соображения и т. д. Вместе с тем эту фигуру не следует упрощать: талантливые люди идут в науку прежде всего ради самой науки – но не только. Современная молодежь не может жить изоли-

рованно от тех ценностей и установок, которые характерны для современного общества с его культом успеха, в первую очередь материального. Другое дело, что для успеха в науке только меркантильных соображений, как правило, мало. Как образно ответил один из наших респондентов, заместитель директора одного из старейших и ведущих институтов механико-математического профиля Новосибирского научного центра, «...молодежь идет в науку в том числе и за деньгами, и это надо понимать, но деньги все-таки не стоят для них на первом месте. На первом месте по-прежнему – интерес к науке, увлеченность процессом творчества, желание завоевать авторитет в научном сообществе».

2. Аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в негосударственном научном центре (тип – *ученый новой формации*), 12 % всех участников опроса. Для респондентов этого типа характерно резкое падение значимости факта защиты диссертации; наиболее важными критериями они называли свободу научного творчества и высокие доходы за счет занятий наукой.

3. Аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в бизнесе в сфере науки и высоких технологий (тип – *бизнесмен от науки*), 36 % участников опроса. Здесь лидирующие позиции, как и следовало ожидать, занимают такие критерии профессионального успеха, как высокие доходы, чуть менее важна свобода творчества. Гораздо менее значим удельный вес таких факторов, как защита диссертации, авторитет среди российских и зарубежных коллег.

Хотелось бы подчеркнуть главное – большая часть опрошенных аспирантов по-прежнему отвечает утвердительно на вопрос о том, является ли научная деятельность их призванием. Тот факт, что в качестве будущего места работы человек выбирает не академический институт или вузовскую кафедру, а научное подразделение коммерческой компании, не дает оснований отказывать ему в праве считать себя профессиональным исследователем.

Экспертный опрос, проведенный весной 2009 г. в ряде институтов ННЦ естественно-научного профиля, показал – на фоне вынужденной консервации кадровой структуры институтов начинает меняться и образ успешной научной карьеры в глазах молодого поколения ученых. Если еще недавно занятие административной должности (заведующий лабораторией, ученый секретарь, заместитель директора) традиционно считалось весомым карьерным успехом, то сегодня не менее, а зачастую более важным его критерием для молодых становится обеспечение условий, прежде всего финансовых, для реализа-

ции собственного научного проекта. И это в очередной раз позволяет утверждать, что для молодежи все более свойственными становятся индивидуальный характер научной работы, накопление персонального профессионального капитала, своеобразного исследовательского портфолио.

Таким образом, следует сделать вывод, что типичный молодой ученый сегодня – это ярко выраженный промежуточный тип члена сообщества. С одной стороны, он хорошо усвоил правила игры и выстраивания карьерных стратегий, сложившихся в российском академическом сообществе, с другой – гораздо более адекватно реагирует на постоянно изменяющиеся условия существования науки, более активен в различного рода контактах с зарубежными коллегами и бизнес-сообществом, не заикливается на устоявшихся формах успеха и т. д. Такой тип ученого и соответствующая ему профессиональная идентичность – это уже продукт постсоветской науки.

Список литературы

Богатуров А. Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 1999. Т. 5, № 1. С. 195–201.

Гвоздева Е., Высоцкий Е. Завтрашний день будущего российской науки. Новосибирск, 2004.

Дежина И. Г. Молодежь в науке // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 71–87.

Мирская Е. З. Человек в науке // Социальная динамика современной науки. М., 1995. С. 21–38.

Плюснин Ю. М. «Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования // Науковедение. 1999. № 1 (1). С. 1–19.

Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 3. С. 202–214.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

A. M. Ablazhey

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ablazhey@academ.org

**TRANSFORMATION OF THE SCIENTIST'S PROFESSIONAL
IDENTITY IN THE CONDITIONS
OF SCIENCE REFORMS
(ANALYSIS OF POST-SOVIET EXPERIENCE)**

The article substantiates the thesis that the traditional image of the scientist in the conditions of modern transformations of the social institute of science has become much more complicated. This also includes the process of professional self-identification. For an empirical basis of the analysis the author uses the results of a sociological survey of graduate students of academic institutes, as well as the Novosibirsk State University. It is concluded that depending on the choice of criteria for a successful career, future scientists can be classified into several types: «traditional scientist», «scientist of a new formation», «businessman from science».

Keywords: Soviet science, post-Soviet science, scientist, professional identity.

References

Bogaturov A. Desyat' let paradigmy osvoeniya [Ten Years of Mastering Paradigm]. *Pro et Contra*, 1999, vol. 5, no. 1, p. 195–201. (In Russ.)

Gvozdeva H., Vysotskiy E. *Zavtrashnii den' budushego rossiiskoi nauki* [Tomorrow's Day of the Future of Russian Science]. Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Dezhina I. Molodezh' v nauke [Young people in science]. *Sociological Journal*, 2003, no. 1, p. 71–87. (In Russ.)

Mirskaya E. Z. Chelovek v nauke [Man in Science]. *Social dynamics of modern science*. Moscow, 1995, p. 21–38. (In Russ.)

Plusnin Yu. M. «Lishnie lyudi» v nauke. Opyt social'no-psihologicheskogo rassledovaniya [«Superfluous people» in science. Experience of social-psychological investigation]. *Naukovedenie [Science of Science]*, 1999, no. 1, p. 1–19. (In Russ.)

Radaev V. Est' li shans sozdat' rossiiskuju natsional'nyu teoriyu v social'nyh naukah? [Is there a chance to create a Russian national theory in the social sciences?]. *Pro et Contra*, 2000, vol. 5, no. 3, p. 202–214. (In Russ.)